18+

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

ГАУБЪ СИМОНА

ШАЛЬНАЯ ДЕВИЦА СЪ ЛОПАТОЮ

книжица рассказовъ, сказокъ,
и прочихъ странныхъ
психозарисовокъ

Симона Гаубъ

Вербное воскресенье. Книжица рассказовъ, сказокъ, и прочих странныхъ психозарисовокъ

«Издательские решения»

Гаубъ С.

Вербное воскресенье. Книжица рассказовъ, сказокъ, и прочих странныхъ психозарисовокъ / С. Гаубъ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857971-4

Эта книга — сборник малых форм: сказок, рассказов, зарисовок. Книга о том, как мы стали сначала странненькими, и обнаружили себя среди мира, который не очень понимал, что происходит. Потом мы стали волшебными, и на наших ладонях загорелась пыльца прекрасных видений, а потом и вовсе мы стали теми парнями, которые снятся Далай Ламе. В общем-то, мы всегда ими были, просто подзабыли об этом.

ISBN 978-5-44-857971-4

© Гаубъ С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Психозарисовки 7
Включите музыку! 7
Человек и его тайна 8
Аркадий жил в подвале и пил кровь 9
Огонь 10
По облакам 11
Смерть в туалете 12
Псы высшей математики 13
Уродливые ангелы времени 14
Лесная звезда 15
Персики Бессмертия 16
Кожа, пули и запах моря 17
Челябинские звёзды 18
Вербновоскресные мозоли 19
Рассказы 21
Монах и его… 21
Любовь надо красть 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Вербное воскресенье
Книжица рассказовъ, сказокъ, и прочих странныхъ психозарисовокъ

Симона Гаубъ

Иллюстратор Валентина Рум
Иллюстратор Венера Герман
Корректор Елена Александровна Лосева
Корректор Денис Владимирович Хрулёв
Фотограф Симона Гауб
Дизайнер обложки Симона Гауб

© Симона Гаубъ, 2017
© Валентина Рум, иллюстрации, 2017
© Венера Герман, иллюстрации, 2017
© Симона Гауб, фотографии, 2017
© Симона Гауб, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-7971-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Здравствуйте. Меня зовут Симона, и я не люблю писать предисловия. Читать я их тоже не люблю, но иногда всё же читаю – чтобы посмотреть как очередной автор выкрутился из этого скучнейшего приключения.

Но, думаю, стоит всё же немного рассказать о том, что ожидает читателя, взявшего в руки мою книгу малых форм или скачавшего её электронный вариант.

А ожидает вот что: каждый следующий раздел будет немножко как удар половником (если ты любишь классику), или деревянной ложкой (если ты оторва) по кастрюле, надетой тебе на голову. Значительно или совсем немного – ты будешь не готов к тому, что следующий раздел не будет продолжением предыдущего.

Здесь ты найдёшь как мягкую психоделию, так т странный треш, и повседневные мысли. Все мы, люди, существа многогранные, хоть и мало кто не стесняется это признать. Я, например, и человек-эклектика, и дзен-диссидент, и психоделическое быдло, и даже пафосная современная писательница и злой стенд-апер. Ну, и совсем немного, наивный Йожег. И в этом ничего страшного нет.

Читатели электронной версии в некоторых разделах увидят цветные иллюстрации. Читатели же версии бумажной, увидят только ч/б, как будто решили этим летом вместо Казантипа провести отпуск в городе Ревда Свердловской области. Поэтому, смотреть на цветные фотошопы и акварели или вдыхать запах типографской краски, перебирая мелованные страницы под мягкой обложкой – дело вашего личного вкуса. Надеюсь, и в том и в другом случае вы получите удовольствие от чтения.

С любовью и плюшками в постель, вечно ваша, шальная ~~императица~~ девица съ лопатою,
Симона Гаубъ.

Психозарисовки

Включите музыку!

Лиза лежала на кровати и сонно болтала ногами в воздухе. Она уже четвёртый день ничего не пила, не ела, и вообще – целиком и полностью следовала своей теории, что из музыки можно делать даже еду для космонавтов.

Я присоединился к ней только вчера, просто случайно зашёл навестить, и напоролся на теоретическую ересь по отношению к материи. Я-то не собирался существовать всю следующую жизнь на одной только музыке, и за сегодняшнюю ночь (бессонную кстати, ведь сон Лиза тоже заменила музыкой) я порядком подустал, а мой желудок громко бурчал и требовал материи.

– Твой мясной мешок поёт, это означает, что он так готовится перейти на мой способ питания.

– Лизонька, я умираю от голода. Хотя, чёрт с ним, с голодом – можно я попью хотя бы? У меня есть квас.

– Зачем пить квас? Включите музыку!

– Лиза, прекрати, пожалуйста!

Хотя уже сейчас я начал сомневаться в своей правоте, ведь она три дня ничего не ела, не пила, и выглядела при этом очень даже живой и ни капли не страдающей. И как бы там ни было, музыку я действительно включил. И спустя минуту мне действительно расхотелось и есть, и пить.

Зачем вообще нужен этот квас?

– Может, потанцуем, а?

Человек и его тайна

Жил был человек, он знал только то что ему сказали и то что он видел, а потом ему сказали. И чем дольше он жил, тем больше опыта у него накапливалось. И однажды дошло до того, что вариантов стало так много, что их уже невозможно было сравнить и человек так и не смог выбрать, что лучше. Однако у него была муза-честность, и она знала, что ответ лежит там, где его давно уже перестали искать.

Ответ лежал в самом первом ящике его детского шкафа, куда он положил ответ, спрятал как сокровище ещё до приобретения всяких знаний, а опыт был нужен только для того, что бы эта тайна обрела значение и обернулась в жёсткие доспехи ценности.

И тогда муза взяла человека за руку и подвела к его тайне. А он посмотрел на неё и заплакал. Тайна его ворочалась, как маленькая гусеница, беспомощно сжималась.

Человек должен был одеть свою тайну во все те доспехи, что он нашёл, когда бродил по земле. Муза была настойчива, и человек приступил к делу. Сначала он прикреплял к тайне самые мелкие детали, некоторые блестели, некоторые были как старая медь, но все они соединялись в невиданный узор, переливались таким рисунком, который был смутно знаком человеку под видом его впечатлений.

Человек уже так увлёкся, что совсем забыл о том что происходит вокруг него. Он вошёл в азарт и одевал свою маленькую тайну во всё более причудливые одежды, он смог вложить в неё каждый грамм своих знаний. И маленький червячок стал ростом как многоэтажный дом, и благодаря рычагам и доспехам он мог самостоятельно ходить по земле огромными шагами.

И чем больше людей видело его издалека, тем, получалось, дальше он становился от своего создателя, и человек перестал искать. Он достиг своего предела, и предел его оказался больше, чем можно было подумать.

Аркадий жил в подвале и пил кровь

Аркадий жил в подвале и пил кровь. И в зеркале себя увидеть боялся, и длинных не любил вопросов, слов, из глаз его гной растекался, а слюна его из желчи на три четверти состояла. По ночам пугал прохожих, орал натужно, и никогда не понимал, почему улыбаются, он просто не знал, для чего это нужно.

Аркадий в твоей голове
Аркадий в твоей голове
Аркадий в твоей голове
Аркадий в твоей голове

Однажды Аркадий решил сесть на поезд и уехать далеко. Купил билеты, чемодан и кровяное молоко, и зонт, чтоб прятаться от света. Он сел в купе, где встретил деву, что улыбалась, сидя слева, он потерял контроль в себе. Он мысленно обрёл её в лучах заката красно-рыжих, женился и прождал седин. Улыбки луч, всего один, его спалил на месте тут же, хотя и дева не желала ему какого-нибудь зла. Осталась горочка бела.

Аркадий в твоей голове
Аркадий в твоей голове
Аркадий в твоей голове
Аркадий в твоей голове

Огонь

Южная часть города полыхала, размазывая медь по горизонту, пахло жжёной пластмассой, и, кажется, волосами. Гумберт уже вычислил, кто стоит за всем этим безобразием. Раньше она поджигала киоски, деревянные дома, машины, но поймать её не удавалось, ещё хотя бы и потому, что для того, чтобы поджечь что-то одно, требуется пара минут, а вот чтобы поджечь полгорода – нужно постараться.

Керосиновые следы лоснились, горящие как бешеные буквы, только что вылетевшие из-под пера молодого поэта, на мокрых осенних улицах, как дороги, которые вели в Рим. И этот «Рим» находился недалеко от старой посудной лавки. Пёс шёл по следу уже битый час, но сейчас остановился и заскулил, указывая на дверь.

Гумберт постучался, но, прождав минут пять, так и не получил ответа.

Он легонько подтолкнул ветхую фанерную дверь, та противно заскрипела, словно отрицая свою причастность к чему бы то ни было, но, тем не менее, впустила следователя в тёмный коридор, в конце которого свет фонарей, еле дотягиваясь, обозначал ступени лестницы, ведущей на чердак.

Предельно тихо, стараясь остаться незамеченным, Гумберт на ощупь поднялся и застыл. Его взору открылась странная картина – в помещении, лишённом собственного света, в лучах крупной октябрьской луны и фонарей, на тонком матрасе лежала хрупкая девушка, волосы её были спрятаны под банданой, лицо перемазано сажей, а на губах играла счастливая улыбка.

– Ты подожгла? – совсем мягко, обескуражено спросил он.

– Я, – девушка медленно кивнула, сказала так, что её указание на себя можно было перепутать с обычным усталым выдохом, и снова улыбнулась, глаза её засверкали.

Гумберт вдруг вспомнил, что так улыбалась его первая любовь, когда он дарил ей цветы.

И в его сознании так ярко и просто возникла уверенность, что эта девушка – она ничем не отличалась от других, она как и все остальные просто напросто хотела быть счастливой. И огонь был её отрадой.

По облакам

Однажды один почтенный человек решил подняться в горы, для того чтобы увидеть, как растёт чай. Этот человек с детства не верил в чудеса. Он поднимался на гору так же, как ходил каждый день на работу, он думал, что ничего из ряда вон выходящего не существует.

На вершине горы перед этим человеком открылась гряда облаков. Человек знал, что облака состоят из тумана – водяного пара, но ноги сами понесли его вперёд. Человек сделал шаг, и забыл обо всём. Когда он освободился от мыслей, туман смог выдержать его вес. Весь вечер, всю ночь и утро следующего дня, пока облака стояли над горой, человек ходил по ним и смеялся от счастья, его глаза лучились радостью, а с лица не сходила умиротворённая улыбка.

К вечеру следующего дня гряда облаков ушла с горы, а тот человек так и не вернулся. Некоторые говорили, что от увиденной на горе красоты он сошёл с ума, и, шагнув на облако, кубарем скатился вниз, и, естественно, погиб, потому что чудес не бывает. Другие говорили, что он превратился в чайный куст, потому что любили пересказывать легенды. А третьи, усмехаясь, утверждали, что по облакам он ушёл на небо, и это означает вовсе не то, что первым приходит в голову. Эти люди, вероятно, знали что-то, чего не знаем мы.

Смерть в туалете

Сегодня смерть пришла ко мне в туалете, в виде очень крупного жука, использующего полулитровую пластмассовую бутылку вместо панциря, в которой он спрятался, но были дырки для его черных мохнатых ног. Я его спросила:

– Ты кто такой?
– Я – твоя смерть, пришло твое время.
– Ты заберешь меня прямо здесь, прямо в туалете? это так комично.
– Да, я решил, что так будет лучше всего. Но ты можешь сопротивляться.

Мы оба встали в боевую стойку и начали драться, а буквально через секунду я обнаружила себя сидящей за обеденным столом со своей сестрой и её молодым человеком, где они признались мне, что затеяли этот розыгрыш со смертью на толчке, потому что я заколебала и проела все их бедные ушки касаемо *mementō morī**, и они решили немного надо мной подшутить.

Я чувствовала неоднозначность ситуации, и хотела засмеяться, но вместо этого мой рот сказал:
– Но вы же знаете, что ГОРЬКО ОБ ЭТОМ ПОЖАЛЕЕТЕ?
– Да, конечно, знаем, – обреченно ответила сестра. – Ты нас изобьешь до полусмерти?

Ситуация оргазмировала смыслами, а я всё пыталась засмеяться, потому что розыгрыш казался мне крайне смешным и остроумным.
– Нет, просто однажды вы умрете. И я вам желаю искренне, чтобы это произошло не в туалете.

*Помни о смерти (лат.)

Псы высшей математики

Однажды вы проснулись собакой. У вас есть ваше образование математика, вы знаете речь, но можете только лаять и скрести лапами. В земле вы чуете жучков, сухие корни и воду. Вам нравится прятать кости, этому учит инстинкт.

Хозяин выгуливает вас утром и вечером на идеально ровной лужайке, вы лижете ему пятки, когда он приходит домой с работы. Его пятки пахнут потом и затхлой гнилью, а еще немного духами и мылом. Вы находите в этом запахе что-то притягательное для себя, родное.

Иногда, как собака, вы чувствуете собачью радость от всех этих действий, но бывает и такое, что в вашей голове мелькает воспоминание о математике, о знаниях, о возможностях. И тут вы остро осознаете, что вы просто собака, и что всё это для вас невозможно – это стремление к чему-то громадному, понимание принципов и пространства.

Вы, бывает, во время вечерней прогулки, уставитесь на закат, и вам покажется, что солнце – это дверь, которая вот-вот откроется для вас, и вы войдёте в мир интеллектуального полёта, ощутите, что ваш дух свободен. Воспарите над обыденностью к вершинам понимания, к легкости бытия, к вечному, почти недостижимому блаженству высших сфер.

Но хозяин замёрз, и, согревая руки дыханием, переминаясь с ноги на ногу, уже тянет за поводок, нетерпеливо поглядывая на часы. Вы как будто выпадаете из прекрасного сна, и вас обрушивает в реальность, где вы роете землю носом, гадите в пакетик, и за вами уносят какашки в урну, где вы жрёте собачий корм, засыпаете под бормотание телевизора, ждёте рождества, чтобы поесть мишуры…

Но вам иногда снится тонкая, изящная, восходящая ветвь гиперболы. Вы как подумаете о том, что она уходит в бесконечность, начинает кружиться голова. У вас всё сжимается внутри, от осознания того, что вы всего лишь собака. И с каждым днём вам всё труднее верить в существование гипербол, небесных дверей и бесконечных величин.

Только запах корма, синтетических ковров и метки соседских собак в земле.

Уродливые ангелы времени

Набирая скорость, пухлые голуби врываются в стратосферу, теряя перья и загораясь. В леденящих вихрях их ждёт необъяснимая сила.

Многие не долетают, горя и плавясь на подходе, но около трети достигнет самого сердца тайфуна, и там обретёт новые качества.

Кто-то из них станет пряничным, кто-то мармеладным, кто-то золотым. Но их роднит кое-что: им уже не стать прежними, не сидеть на краях мусорных баков, не ворковать на крышах, не клянчить хлеб на вокзалах – они приобщаются к вечности, они разрывают границы трехмерного пространства и обретают власть над временем.

Теперь тысяча голов каждого голубя не просто двигается взад-вперёд, а находится сразу во всех временных координатах.

Если ты глянешь на них, то не узнаешь голубей и будешь думать, что тебе явился уродливый ангел.

Помнишь двуглавого орла с герба? Так вот, это цветочки по сравнению с сияющим тысячеглавым мармеладным голубем, который постиг природу времени, превзошёл границы твоего понимания полёта, но не сгорел, а преобразился.

Небо побелело и загудело, вниз спускается дым, как от подгоревшей в духовке без твоего надзора дрянной курятины – это прах недостаточно блистательных.

Если будешь удачлив, поймаешь горящее перо. Храни этот талисман, и тогда ты не забудешь то, что увидел сейчас, ты будешь знать, что где-то и тебя ждёт твой обжигающе-холодный вихрь, раскинутый на многие километры, под сводом из пыльного черного махера разряженного пространства.

С веток тополя во дворе на тебя смотрит подвешенное за ногу голубиное божество – это знак. Скоро придёт твоя очередь набирать высоту.

Ты находишь в кармане обугленный остов пера. Когда-то оно росло из тебя. Ты долго уверялся, что не умеешь летать. Но ты попробуешь снова, рано или поздно, вот только наберёшь побольше жира на ядовитых вокзальных харчах…

Ты обнаруживаешь, что к ноге твоей привязана веревка. Запах мокрой тополиной смолы не оставляет тебе выбора.

Твой выход.

Лесная звезда

Маленькая девочка проводит лето в домике своей тёти – лесной ведьмы. Тётя щедро кормит девочку сливками из под собственной коровы, пасущейся на лесной опушке у окна. Под самым потолком развешаны веники сухих трав, за стеной в курятнике квохчут куры. Ветер шелестит в кронах деревьев.

Стол полон даров природы, к чаю много сладкого и пряностей. Ночью в доме – жар печи, а на улице, только открой дверь – такие невиданные россыпи звёзд, что кружится голова от такого великолепия. Звезда упала девочке в руки, и как маленький котёнок просит молока.

Девочка напоила звезду молоком из своей кружки, и звезда зазвенела, засмеялась, затрепетала в ладонях, а потом рассыпалась облаком из светлячков.

На руках осталось тепло, а во рту – отголоски сливок и пряностей.

Персики Бессмертия

Скалистые стены, увитые зеленью китайских тропиков, наконец раздвинулись перед усталыми путешественниками. На их обгоревших от солнца, грязных лицах засияли улыбки, когда впереди открылась просторная поляна с водопадом, с шумом и клокотанием рвущимся из отвесных скал. Рядом с небольшой ванной, в которую с высоты обрушивались воды, росли персиковые деревья, на их ветках налились нежные плоды.

Многие слышали легенду о молодильных яблочках, но о золотых персиках, дарующих бессмертие, знали только избранные. Согласно преданию, персики эти росли в глухих китайских джунглях, между бурных рек и крутых скал, и добраться до них мог только тот, чьё сердце бесстрашно, ум безмятежен, а душа чиста, как первая улыбка младенца: того, кто обладает всеми этими качествами, внутренний компас должен был рано или поздно вывести к волшебной поляне.

Группа отважных искателей выдвинулась в путь ещё полгода назад, и за это время уже почти утратила надежду, что может сорвать куш.

В команду входил Бен – мужчина сорока с лишним лет, видавший виды путешественник, капитан отряда, Джилл – острая на язык и бойкая медсестра, бросившая работу в сельском госпитале ради похода за волшебными персиками, Генри, ботаник по образованию, и Стиви – каноничный, сказочный дурачок, которого взяли в эту экспедицию исключительно для того, чтобы он приносил удачу, и, как всегда, выпутывался самым неожиданным образом из самых страшных передряг. Кто в конце концов стал той самой улыбкой младенца, бесстрашной и безмятежной, группу уже не интересовало. Только увидев налитые томной спелостью персики бессмертия, все бросились их собирать. Кроме Стиви. Он заметил прыгающую у воды лягушку и попытался заговорить с ней, в надежде на то, что она окажется заколдованной принцессой.

Набрав полные сумки золотых персиков, путешественники поужинали, приготовив на костре ухи из местной рыбы, и, конечно же, попробовали волшебные плоды, которые, вне всяких сомнений, обладали просто неземным вкусом. После чего все мирно заснули, надеясь завтра отправиться в обратный путь, насушить из персиков урюка и продавать его на вес золота.

С первыми лучами солнца Стиви открыл глаза. Персиковый сад стоял ещё в голубой утренней тени, воды, падающие со скалы, светились наверху, а внизу сливались в затемненное полотно. Почувствовав себя странно, парнишка взглянул на спящих товарищей. Они словно вросли в землю, и местами из их рук и ног, из головы, пробивались ветви персиковых деревьев.

Да и сам он пустил корни, как стало ясно чуть позже. Пошевелиться не представлялось возможным, пока ещё могла двигаться только голова. И чем выше вставало солнце, тем сильнее деревенело всё тело, и Стиви всё думал, глядя на рощу, что эти деревья, скорее всего, росли здесь всегда, и будут расти ещё много-много сотен лет.

Кожа, пули и запах моря

Здание оцеплено. Ты видела своими глазами, как гламурно разодетые парни проносили через пост охраны оружие, поблескивая ягодицами в узких кожаных брюках и неприлично белыми улыбками. «Они геи» – шептались старые женщины у стойки reception. Тебе некоторые из их лиц показались знакомыми.

Ты пока еще не понимаешь, что происходит, поднимаясь по лестнице на третий этаж, в номер, твоя рука останавливается на изгибе плеча, там, где солнце и морская соль отслоили от тебя кусочек кожи. Влажное полотенце под мышкой. Задумавшись, проходишь свой этаж. Видишь потолок над лестницей – самый верх, но всё еще варишься в своих мыслях, сцарапывая с плеча отчужденное.

На пятом этаже полно людей. Точнее, каких-то существ, похожих на людей, они встревожены. По их плащам, жабо и торчащим клыкам ты заключаешь, что это вампиры, после чего до тебя доходит, что это не твой этаж. Возвращаешься на лестницу. Теперь потолок над ней для тебя значит нечто очевидное. Посеребренные от солёной воды, голые ноги слегка цепляются за ворс ковра, расстеленного на лестнице.

Спускаться два этажа вниз. Ты задумчиво запускаешь палец в нос и начинаешь ковырять затвердевшую корку, до тех пор, пока с участка между вторым и третьим этажом тебя не замечает дуло ружья. Парень в балаклаве – торчат одни глаза, и все, что ниже, тоже затянуто чёрной тканью, бежит вверх по винтовой лестнице. Его голос эхом разлетается по зданию, но часть звука впитывают ковры и его балаклава.

– Вы не знаете, что такое настоящая депрессия! Я вам покажу!!! – кричит он и направляет на тебя ружьё. Достав палец из носа, но забыв об отвалившейся челюсти, поднимаешь руки, продолжая по инерции спускаться. Парень фыркает и прожимает спусковой крючок. Пули проходят сквозь твою грудь. Какое-то время кажется, что должна появиться надпись Game Over, ты падаешь на пол, созерцая уходящие вверх ступени, веки слипаются.

Далее ты обнаруживаешь, что угол обзора ограничен вырезами. Под шапкой ужасно жарко. «Я покажу вам, что такое настоящая депрессия!» – проносится в голове, пока бок и локоть еще вибрируют после отдачи от выстрела, и перед тобой отворяется дверь третьего этажа.

Напротив ты видишь еще одну себя, в длинной белой ночной рубашке, выглядывающую из номера. Стреляешь. Потом снова и снова, встречая разные версии себя, даже немного разного роста и по-разному одетые, палишь в них, проседающих на пол, продвигаясь по коридору. Некоторые из них так же вооружены.

Навстречу движется группа из 15—20 разных версий тебя, ты даже не успеваешь их сосчитать, надо стрелять. Они тоже стреляют. Чьё-то дуло сзади, и справа, и слева, и стремительно редеющая группа впереди.

Ветер прорывается через открытые двери, неся запах моря. Солнце ещё высоко. Жизнь продолжается.

Челябинские звёзды

Небо Екатеринбурга на границах сферы тянулось, как наполненный водой шарик, из последних сил удерживающий движущиеся по его периферии атомы. Еще немного, и эта истонченная пелена разорвется, вытягиваясь в нить из прощальной теплой жвачки, и, огромным пузырём впереди нас поприветствует небо Челябинска.

И это небо другое, оно выше, четче, оно плотнее, чем небо Екатеринбурга, оно не розовое, а оранжевое, иногда даже зеленое. А звёзды, как бы смеясь над нами, рассыпаны по самым разным высотам.

Некоторые челябинские звёзды настолько суровы, что спокойно лежат на холодной земле, в кашеобразной грязи. Некоторые челябинские звёзды принимают ванны в дыме и паре, выходящем из заводских труб. Иногда, вечерами, они падают прямо на колени к пассажирам трамваев, уставшим работягам. Иногда челябинские звёзды стучатся в окна.

Здесь у звёзд особая миссия, на них возложена задача: охранять сгустки волшебства, позволяющие Челябинску продолжать своё существование. Если бы не эти странствующие сгустки, если бы не эти звёздные кошки, трущиеся об ноги прохожих и не сияющие обитатели дымовых облаков, Челябинск, как и Атлантида, давно скрылся бы под толщей воды. И над этим безбрежным океаном витал бы только запах советских мечт, светлые сны комсомола, чистые голоса из прекрасного далёка, до которых мы так и не доплыли, потерявшись на фоне стальных кораблей. А теперь и стальные корабли один за другим, как Титаник, могли бы уйти под воду.

Но звёзды охраняют жизнь Челябинска, собирая её по крупицам и заботливо взращивая, чтобы семена этой жизни не погибли. Челябинские звёзды проводят селекцию и отбирают лучшие семена, а потом сажают их в рыхлую почву звёздного неба, где те дремлют, пьют через трубочку коктейли из кислорода, паров тяжёлых металлов, ночных телепрограмм и вскриков любви, плещущейся в глотках людей, засаленных почками весны и просвечивающими сквозь ткань бытия, звёздными маршрутами.

Запах дикой, запредельной магии всегда остаётся на одежде пылью тех, кто побывал под куполом челябинского неба, и особенно тех, кого коснулась пушистым боком дежурная звезда.

Вербновоскресные мозоли

За окном распускается светлое весеннее утро воскресенья. Я люблю поспать подольше, когда не нужно торопиться в садик, но родители всегда встают раньше меня. Я просыпаюсь от непонятной боли, не могу определить её источник.

Мама кричит «с вербным воскресеньем!», папа смеётся, а упругие ветки вербы с пушистыми почками отдуваются на мне за всё, чем я, вероятно, выбесила родителей за прошедший год.

Я пытаюсь понять, за что получаю удар за ударом, на подкорках пульсирует лишь православный праздник. Ритуал, посвящённый Богу, в которого я не верю.

Вербные шлепки входят в ритм, усиливаясь и обезличиваясь, сливаются в одну длинную однообразную партию, исполняемую электронными барабанами моих будущих творений. Кожа в местах ударов становится тёмно-розовой, цвета RoseRed, цвета, который ярмом натирает всех девочек и женщин мира. Мне хотелось бы, чтобы он не был таким безысходно ярким, я хочу, чтобы он стал спокойнее, чтобы кожа успокоилась, а на кричащие гламурные розы легла дорожная пыль. Но это невозможно, и верба продолжает хлестать бедное детское тело ни за что. Я теряю счёт этим ударам, я впадаю в транс, уже даже не слыша за ними никакой музыки и не чувствуя кричащего запаха тёмно-розового цвета.

Белая тюль с крупным кружевом пикселями пропускает сквозь себя солнце, которое превращается в ночной свет мониторов всех парней, которых я буду любить потом, но пока никаких мониторов не существует, и их отблески на пустых пивных бутылках отступают вместе с далёким стуком клавиатуры и щелчков мыши.

На коже цвета RoseRed поднимаются горные гряды – вырастают упругие мозоли, светлые, как жемчужины инопланетных вторжений на нашу Луну. Мозоли вербного воскресенья. Человек уже бывал на луне. Надо будет спросить его, когда познакомлюсь, видел ли он там продолговатые светло-розовые жемчужины – следы страдающих космических моллюсков, бороздящих галактику в поисках покоя. Позже я узнаю, что такое сомнения и творческие муки, и тоже отправлю свои склизкие соки в космос, и тоже останусь жемчужинами на чужих планетах.

Мои мозоли теряют чувствительность, я отрешаюсь от всего. Я знаю только то, что однажды мне придётся найти Бога, а для этого придётся допустить, что он существует. Я найду его, и вывалю перед ним свои детские мозоли, я покажу ему бесчеловечный ритм шлепков по коже того, кто верит, что ни в чём не виновен. Конечно, если хорошо поискать, то за каждым можно найти грешок, каждому можно назначить за него наказание, но тем воскресным утром в свете весеннего солнца я была невиновна перед этим Богом, как любое дитя.

И я найду его. Я дам ему причаститься хлебом огрубевшей, шершавой кожи и водичкой, которую я выдавлю из мозолей прямо ему в рот, чтобы он не забывал, за что умирал на кресте. Я возьму его с собой в путешествие по космосу в форме моллюсков, пронзающих чёрное межзвёздное пространство гулом своих дрожащих, истончённых до предела, чувств. Я вывалю свои жемчужины на Луну, и Бог увидит, как на них слетятся голубями парни-геймеры, как будут глотать этот жемчуг, запивая его золотистым пивом. Они коллекционируют хмельные пузырьки – эмблемы неправильного, увядшего солнца.

И белый свет их мониторов ляжет на лик Бога цвета RoseRed, и он услышит бесконечные, зацикленные клэпы электронных барабанов.

Рассказы

Монах и его…

Тихое утро ползло по земле туманом, буйные силы весны начинали пробивать себе путь через толщу земли, через ветхую тишину могил. Себастьян провел в молитве всю ночь, в три погибели согнувшись на каменном полу кельи. Его не отпускало, гложело, ныло в груди предчувствие чего-то большого, а может даже, и вовсе необъятного впереди. Между пыльных пальцев скользили натертые до блеска четки, губы монотонно шептали знакомые слова, смысл которых то и дело ускользал.

«К кому обращаю я свои молитвы? Слышит ли Он меня? Слышу ли я Его? Действительно ли это ЕГО слова отпечатались тысячами черных знаков на бесконечных страницах библиотек, или Он – просто безмолвное весенне утро, обещающее так много?

Сколько раз я обращал свой взор на Его образ внутри себя и вовне, искал Его во всём и находил? Сколько раз я утешал рассказами о Нём, Всеблагом и Всеведущем, больных, грешных и умирающих? А это утро будто приставило мне к горлу нож и просит быстрого ответа – готов ли я покинуть землю, готов ли обратиться прахом? О, Ты, тот, кто создал мир и всех тварей в нём, действительно ли ты заберёшь меня в царство вечного блаженства?»

Он не мог заснуть, и потому молился, его преследовал страх. Липкий страх, как тополиный лист, приклеился между лопаток Себастьяна и что-то твердое в нём пришло в движение, качнулось маятником сомнения, между конечным и бесконечным, между прорывающейся к солнцу свежей травой и холодом могильных плит, между чётками и нервно держащими их пальцами. Это нечто закралось между воздухом и кожей. Предчувствие.

Разум слабел, бред застил глаза, так, что келья казалась душной, и даже свежий ветер, ластившийся сквозняком по коленям через холщовую ткань, не приносил облегчения. Тёмные коридоры проводили Себастьяна под руку с его наваждением, к свету.

Солнце бросилось обниматься, как родное, но глаза не сразу привыкли. Монах сощурился и заметил, как со стороны храма, прямо через кладбище, наступая кожаными сапогами в грязные лужи и давя принесённые кем-то вчера, пожухлые ландыши, к нему приближается высокая фигура.

Одежда незнакомца, как и его оголенное оружие, выдавали в нем воина, но капюшон, надвинутый на лицо, не позволял разглядеть, что это был за человек. Ходил ли он в церковь, жил ли в городке неподалёку, или пришел из других земель? Себастьян этого не знал, но по мере того, как фигура приближалась, будто специально направляясь к нему, сердце начинало колотиться в груди быстрее.

Монах подумал, что было бы абсурдно предполагать, что незнакомец идет сюда, ведь разглядеть скромно одетую фигурку священнослужителя на фоне бурых кирпичей, стволов деревьев, кустов и тумана, было бы очень сложно, но страх возобладал, и, как маленький мальчик, напуганный бабушкиными сказками по чертей и ведьм, Себастьян попытался укрыться за деревом.

Это похоже на ощущение, когда ты под одеялом – я тебя не вижу, значит и ты не видишь меня, или на сон, где за тобой гонятся, и ты понимаешь, что проиграл, упал, и просто ждёшь своего часа.

Шаги хлюпали в сырой земле всё громче, меч, казалось, насвистывал в воздухе известную песенку.

А потом воцарилась пауза из тишины и кома в горле. Незнакомец стоял прямо перед монахом, который, собрав всю волю в кулак, попытался заглянуть в лицо, скрытое под капюшоном, но вместо него увидел только черный провал, а местами, казалось, в нём можно было разглядеть крошечные блики звёзд.

– К-кто ты? – громко сглотнув, спросил Себастьян.

– Не притворяйся, что не знаешь, – приглушенным голосом скрипнул незнакомец.

– Н-но… Почему сегодня?

– Ты болен. Тебе пора.

Мысли монаха запрыгали блохами на спине бездомной собаки, так быстро, что он едва успевал их осознавать. Воспоминания перемешивались в них с вопросами.

А есть ли на самом деле Бог? И существует ли Душа? А если да, то вечна ли она? Вечна ли она, Отче, как ты всегда учил, как повторял другим, снова и снова, как уверял вдов и сирот, солдат и королей? А что же, Отче, если там, за гранью этого капюшона со звёздами, и вовсе ничего нет?

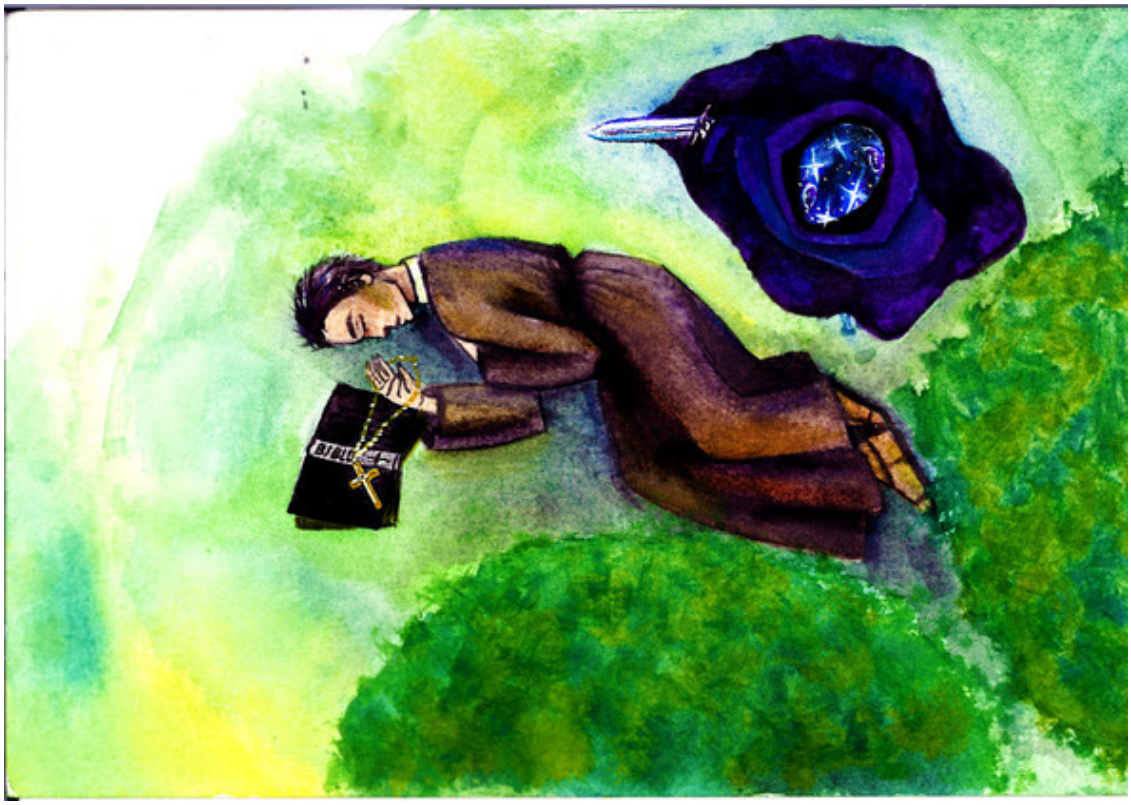
Заметив, что монах колеблется, незнакомец протянул ему руку.

– Пойдём, тебе уже пора, – он проговорил это даже немного ласково, словно прочитал в глазах собеседника все его сомнения, страхи, все его несовершенства и домыслы.

– Я пойду, но… Можно задать тебе один вопрос? – пытаясь отыскать глаза, чтобы установить контакт с этим, Другим, робко спросил Себастьян.

– Задать – можно, – мягко ответил безликий Некто.

– А что будет там, за этой гранью?

Художник: Валентина Рум

Если бы Некто мог улыбнуться, он сделал бы это, но в голосе сквозила только интонация вечно терпимой мамочки в отношении к своему нерадивому чаду:

– Сейчас ты сам всё увидишь.

Тело монаха глухо упало на влажную землю. С соседнего дерева пугливо вспорхнула стайка птиц.

Любовь надо красть

Здравствуйте, в эфире очередное серое утро. А каким ему ещё быть, если для того, чтобы увидеть другие цвета, мне нужны дорогостоящие примочки к процессору? Нет, мои собственные глаза давно перестали видеть, знаете, это из-за свинцового воздуха, каких-то химикатов в нём и постоянного созерцания монитора. Но, если бы кто только знал, как сильно иногда мне хотелось перестать дышать этим воздухом, думать этими мыслями, прокручивать одни и те же процессы!

Меня зовут Гарри, нет, не потому что так зовут героя вашей любимой книги, а потому что я чёрный с ног до головы, заляпанный гарью. Мне 58 земных лет, я работаю писателем и литературным критиком. Не смотря на наличие постоянной работы, деньги у меня почти не водятся, и мне не хватает средств даже на то, чтобы купить цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.